

Ах, значит, вы этого ещё не знали.

Сюэ Цзинань не умел читать по лицам, но его интеллект был высоким. Он мгновенно уловил подсказки в внезапно застывшем выражении лиц и молчании обоих.

Он сделал короткую паузу, но не изменил своих слов:

— Подумайте сами: каким был Сюэ Цзинань раньше и каким стал сейчас...

Сюэ Цзинань не чувствовал никакой разницы между собой и первоначальным владельцем этого тела. Вернее, если верить его анализу данных, всё, что он делал, соответствовало логике поведения того человека.

И удар ножом четвертого принца, и дерзость по отношению к пятому – всё это было в духе прежнего Сюэ Цзинаня. Ведь именно он укусил четвертого, отправив его напрямик в Императорскую лечебницу, и именно за это четвертый прозвал его бешеной собакой.

В первый же день, когда Сюэ Цзинань слился с этим телом, он столкнулся с четвертым принцем, пришедшим устроить скандал. Тот был в ярости из-за «предательства» Шуньдэ, но даже не осмелился перелезть через стену.

Сцена была до жути похожей. Сегодня утром внезапно появился пятый принц, пропадавший несколько дней, принес с собой меч, заманил его на научную выставку брошюрами и, сидя на стене, ждал, пока Сюэ Цзинань не согласится.

Классическое повторение.

Сюэ Цзинань считал свои действия безупречными, но он знал, что люди обладают безграничной фантазией, особенно когда дело касается нагнетания страха.

Не нужно приводить конкретные примеры; достаточно нескольких двусмысленных фраз, чтобы заставить их погрузиться в собственные домыслы.

После падения супруги Чжень все во дворце молчаливо и намеренно отодвинули на второй план первоначального владельца этого тела, сделав его почти невидимым. Все знали лишь, что он несчастен, безропотно терпит издевательства и совершенно лишен достоинства принца.

Седьмого принца считали слабым, ни на что не способным и легко управляемым маленьким негодяем. Даже супруга Чжэнь, несмотря на то, что её сына укусили и отправили в лечебницу, списывала всё на трусость четвертого принца.

Конечно, еще одной причиной, по которой супруга Чжэнь так искренне верила в это, был

острый на язык и невероятно упрямый четвертый принц.

Четвертый был до смерти напуган нападением Сюэ Цзинаня. Вернувшись домой, он слег с высокой температурой, его мучили кошмары, и он сильно похудел. Несмотря на все это, он твердил, что причина – боль от раны, и отказывался признать, что боится Сюэ Цзинаня.

В итоге, все жалели седьмого принца, что совершенно не вышло с его недавними проявлениями решительности и безжалостности.

Это стало пугающей деталью, заставляющей задуматься.

И действительно, Сюэ Цзинань заметил, как Ли Хэчунь и пятый принц невольно погрузились в свои мысли, их лица и глаза на мгновение дрогнули, и в них промелькнул ужас, словно они увидели призрак.

Необычайно любопытный Сюэ Цзинань захотел подключиться к ним по Bluetooth, чтобы узнать, что они себе вообразили.

Он только подумал об этом, как на экране появилась надпись:

[Подключиться к устройствам «Ли Хэчунь» и «Сюэ Цзюньцзюэ»?]

Одновременно всплыли два диалоговых окна:

[Пожалуйста, оплатите сбор]

[Пожалуйста, введите пароль]

Сюэ Цзинань был ошеломлен. Так значит, это и правда его вина, что к четвертому можно так быстро подключиться? У него ужасная личная безопасность.

А что, если он подключится к кому-нибудь еще? Сюэ Цзинань посмотрел на список доступных устройств поблизости, пальцы так и чесались нажать на него.

К сожалению, Bluetooth слишком быстро разряжал батарею. Аккумулятор был почти пуст, а после того как пятый принц использовал его, чтобы скрыть покупку лекарств, Цуй Цзуй отдал сумку Шоуцзюаню. Без внешнего аккумулятора и с неопределенным будущим нужно было экономить энергию.

С сожалением Сюэ Цзинань выключил Bluetooth.

Прошло полминуты, и Ли Хэчунь и пятый принц очнулись от своих мыслей.

Улыбка Ли Хэчуна, подобная хризантеме, выдавала нотку беспомощности.

— Седьмой принц, пожалуйста, перестаньте так шутить. Я пугливый.

Пятый принц закатил глаза.

— Кого ты пытаешься напугать? Скукотища.

Они явно не поверили словам Сюэ Цзинаня. Их оцепенение было вызвано внезапным замечанием.

— Прежнего Сюэ Цзинаня больше нет, — сказал Сюэ Цзинань.

Тот факт, что он так беспрепятственно слился с этим телом, говорил сам за себя: либо душа первоначального владельца уже покинула тело, оставив его пустой оболочкой, либо у него не хватило воли к жизни, и он добровольно покинул тело и принял ассимиляцию.

Сюэ Цзинань склонялся к первому варианту. Он был духом, потерявшим свою первоначальную форму; а дух, как душа магического артефакта, более чувствителен ко всему этому. Однако он не обнаружил никаких следов ассимиляции души.

— Прежний ты умер. Тогда кто ты сейчас? Мстительный демон из ада? Чувствуешь жжение на запястье? Очищение? — Пятый принц саркастически указал на его запястье. — Этот браслет из первоклассной древесины кровавого дракона – дань уважения Южного Ю*, лично освящен бывшим настоятелем храма Ваньфу, оставившим после себя реликвии.

[Древнее царство 207-111 до н. э. на территории современного северного Вьетнама и китайских провинций Гуандун и Гуанси.]

Сюэ Цзинань посмотрел на свое запястье и перебрал бусины.

— Ничего не чувствую.

Он лишь ощутил, что бусины очень гладкие и блестящие, их цвет глубокий и кристально чистым. Это украшение перед смертью супруга Чжень сняла с себя и надела ему на запястье; должно быть, его только что отполировали и смазали маслом.

В оригинальном романе этот браслет тоже описывался: багровые бусины, похожие на разбросанные кровавые слезы вокруг трупа первоначального владельца, и тусклая, серая

бусина, которую он крепко сжимал в ладони, словно его невинное сердце. Супруга Чжэнь предложила это, и император кивнул. «Невинное детское сердце» облачили в золото и нефрит, превратили в цикаду и похоронили вместе с телом Сюэ Цзинаня.

— Не заходи слишком далеко со своими запугиваниями, это по-детски, — сказал пятый принц, очевидно, хорошо разбирающийся в этой области.

— Да, я научился этому у тебя.

Сюэ Цзинань почувствовал, как его навязчивость «нагло лгать» деградирует. Ему никто не верит, когда он говорит правду.

Пятый принц почувствовал себя оскорбленным и уже собирался ответить, но вдруг поднял глаза и увидел спокойно стоявшего рядом и молчащего Ли Хэчуня. Словно на него вылили ведро холодной воды, он внезапно успокоился.

— Учитель не говорил о чудесах, силе, беспорядках или духах*. Это учебный кабинет.

[Фраза из «Аналектов» Конфуция. «О чем не говорил Конфуций» - сборник Юань Мэя, включающий в себя истории в жанре бицзи о чудесах и сверхъестественном.]

Любые слова могли лишь навредить.

Пятый принц украдкой взглянул в главный зал. Его слова были не столько предупреждением Сюэ Цзинаню, сколько напоминанием самому себе.

Напоминанием не выдавать себя перед отцом.

Внезапно сменить тему шуткой - это достойно седьмого брата, узнавшего об испытании отца.

— И я тоже не проиграю, — прошептал пятый принц Сюэ Цзинань, словно давая клятву самому себе.

Сюэ Цзинань, не подозревавший всей глубины мыслей стоявшего перед ним человека, лишь слегка склонил голову, бросив на него пустой, ничего не выражающий взгляд.

Лицо пятого принца оставалось непроницаемым.

— Евнух Ли, отец ждет нас. Прошу, проводи.

— Ваши высочества, прошу за мной.

Ли Хэчунь скользнул вперед, направляя их к главному залу.

Главный зал кабинета, обычно служивший местом для ученых бесед, чаепитий и приема гостей, отличался скромными размерами, но изысканным убранством. Сейчас же он был заполнен людьми.

Во главе стола восседал император в багряной мантии, расшитой золотыми драконами, а напротив него – старец в синей мантии ученого, с лицом, исчерченным морщинами мудрости. Они играли в шахматы.

Вдоль стола было восемь мест, но принцы стояли поодаль, не смея приблизиться. Даже шестой принц, испуганный до полусмерти и с обмотанной плотной тканью шеей, лишь робко подливал чай двум увлеченным шахматистам.

Слева стоял мужчина в одеянии принца, с веером из белого нефрита в руке, излучавший ауру благородного странника – принц Ань, Сюэ Сянь. За ним маячил юноша в официальном одеянии, расшитом золотыми питонами, на первый взгляд казавшийся наследником принца Аня. Но присмотревшись, Сюэ Цзинань понял, что цвет его одежды указывал на принадлежность к императорской фамилии. Это был старший принц, Сюэ Ловэнь, единственный из сыновей императора, удостоившийся чести присутствовать при дворе.

За принцем Анем стеной выстроились чиновники в малиновых официальных одеяниях – от третьего ранга и выше, вероятно, министры, сопровождавшие императора после утреннего собрания двора.

Справа первым в очереди стоял Великий наставник Ли, опиравшийся на трость из-за своей давней болезни. За ним возвышался мастер Цэнь, облаченный в даосские одежды, с белыми бровями и ниспадающей бородой, источавший ауру неземной мудрости. Далее следовал еще один мастер, незнакомый Сюэ Цзинаню. А за мастером Цэнем жался юный даосский мальчик лет семи-восьми, которого Сюэ Цзинань лишь мельком заметил за ширмой. Что-то в лице мальчика показалось ему знакомым, и он невольно задержал на нем взгляд.

Последнее место занимал Чу Вэньцин. После утреннего заседания, где он осмелился потребовать повторного расследования дела супруги Чжень, император временно отстранил его от должности, и теперь он, облаченный в простое синее одеяние ученого, удивительно гармонично вписывался в эту пеструю компанию.

Слугам принцев не нашлось места, и они, словно стайка перепуганных птиц, жались друг к другу вместе с гвардейцами, внуками и дворцовыми служанками.

Сюэ Цзинань заметил молодого евнуха, который, услышав их разговор, поспешил доложить о прибытии принцев.

— Ваше величество, прибыли пятый и седьмой принцы.

Ли Хэчунь проворно шагнул вперед и встал рядом с императором, словно перехватывая эстафету у шестого принца, который одарил его благодарным взглядом, полным облегчения.

Сюэ Цзинань и пятый принц двинулись было к центру зала, но император, не поднимая глаз от шахматной доски, небрежно махнул рукой, останавливая их:

— Не нужно становиться на колени, присаживайтесь.

По знаку Ли Хэчуня евнухи тут же принесли два стула и поставили их в центре зала.

Принцы сели, но их позы были напряженными, словно они продолжали стоять. Все взгляды были прикованы к ним, изучая, оценивая, выискивая признаки слабости.

Император, приказав им сесть, не произнес ни слова. Казалось, его мысли были полностью поглощены шахматной доской. В тишине зала редкий звук переставляемых фигур звучал, словно барабанная дробь.

Тук-тук-тук... этот ритм невольно влиял на биение их сердец.

Даже Сюэ Цзинань, обычно не отличавшийся особой чувствительностью, ощущал давящую тяжесть этого момента. Что уж говорить о пятом принце.

Его губы были плотно сжаты, лицо бледное, а виски покрыты испариной. Руки, лежавшие на коленях, судорожно сжимались, выдавая его крайнее беспокойство.

Император нарушил молчание:

— Осмотрели тела?

Он взял свою чашку, крышечка слегка звякнула о край. Его тон был ровным и безразличным:

— Есть что сказать?

— В этом есть и моя вина, — пятый принц, словно повинувшись невидимому сигналу, опустился на колени. Все присутствующие, за исключением императора, продолжавшего игру, вскочили со своих мест, стараясь избежать этой важной формальности. Даже принц Ань не остался в стороне.

Император, не подняв головы, произнес, словно обращаясь в пустоту:

— О?

Пятый принц поспешно пересказал всю историю произошедшего.

Сюэ Цзинань оставался неподвижным, сидя прямо и спокойно, словно каменное изваяние. В зале пронесся шепот удивления.

«Этот седьмой принц поистине смел, — думали придворные. — Он не испытывает ни малейшего страха перед императорской властью, в этом он превосходит многих чиновников».

Вскоре они поняли, что храбрость седьмого принца превосходит все их предположения. Он не только не был тронут властью императора, но и осмелился прямо противоречить ему.

Император не ответил на заявление пятого принца, внезапно обратил свой взор на Сюэ Цзинаня:

— А тебе нечего сказать?

Сюэ Цзинань, внимательно выслушав рассказ пятого принца, кивнул:

— Все исчерпывающе, мне нечего добавить.

Император замолчал. Тишина, воцарившаяся в зале, стала еще более гнетущей, словно воздух стал густым и вязким.

Евнухи и дворцовые служанки первыми упали на колени, безмолвно моля его: «Седьмой принц, скажите что-нибудь! Умоляем!»

Под напряженными взглядами толпы Сюэ Цзинань задумчиво произнес:

— Если бы мне и пришлось что-то добавить, то лишь одно — они упустили след убийцы.

Пока пятый принц говорил, Сюэ Цзинань, незаметно для окружающих, изучал картину, транслируемую системой, мысленно составляя карту дворца и просчитывая возможные пути отступления убийцы.

Наконец, в углу заброшенной прачечной, где велась трансляция, он заметил Лу Бинчжу, сжимавшего в руках окровавленную форму гвардейца. Лицо Лу Бинчжу было бледным.

Сюэ Цзинань, взглянув на императорских гвардейцев, слонявшихся вокруг места трансляции, словно безголовые мухи, обратился к императору:

— Императорские гвардейцы абсолютно некомпетентны.

— Так значит это не подставной матч, — бесстрастно заключил он. — Они действительно некомпетентны.

Гвардейцы готовы были встать на колени перед седьмым принцем.

<http://bllate.org/book/15803/1416667>